

Глава пятнадцатая

В знак глубокой признательности: братья возвращают долг

Вернувшись в Жунфу, Цзя Чжу первым делом направился в кабинет к отцу. Он поведал Цзя Чжэну, что наставник Шао Инлинь даровал ему второе имя — Хунъи. Услышав, что имя выбрано самим Инлинем, Цзя Чжэн охотно одобрил его. Дав сыну несколько напутствий, он отпустил его засвидетельствовать почтение матушке Цзя.

Выйдя от матушки Цзя, Цзя Чжу поспешил в покои своей матери, госпожи Ван. Недавно лекари подтвердили, что она носит под сердцем дитя, и радости её не было предела. Прежде она помогала госпоже Ли ведать домашними делами Жунфу, но теперь полностью отстранилась от хлопот, решив посвятить себя заботам о будущем младенце.

У госпожи Ван уже подрастали сын и дочь — завидная участь по сравнению со старшей ветвью семьи, где воспитывался лишь один наследник. Годы её неумолимо уходили; упустить этот случай означало, возможно, навсегда лишиться надежды на новое потомство. Родись сейчас мальчик, в её доме воцарилось бы двойное счастье, а сама она обрела бы надежную опору на склоне лет.

Выйдя из покоев матери, Цзя Чжу взял купленную ранее шелковую кисть для циня и направился в покои Юаньчунь, что располагались в усадьбе матушки Цзя. Детей в доме тогда было немного, а Юаньчунь оставалась единственной барышней во всем поместье, поэтому матушка Цзя держала её при себе. Девочка жила в теплом боковом павильоне, примыкавшем к её главным покоям.

Приблизившись к окну, Цзя Чжу увидел сестру: она сидела у резного переплета и увлеченно расшивала мешочек для благовоний. Её служанка Баоцин, заметив издали молодого господина, тихонько окликнула хозяйку:

— Старший молодой господин пришёл!

С этими словами служанка поспешила навстречу и приподняла перед гостем узорную бамбуковую занавесь.

Юаньчунь тут же отложила рукоделие и, поднявшись навстречу брату, с улыбкой проговорила:

— Старший брат, у тебя ведь столько забот с учением! Как же ты выкроил время навестить меня?

Цзя Чжу достал шелковую кисть и протянул ей.

— Пришёл порадовать тебя обещанной безделицей. Всё никак не выдавалось случая, но

сегодня я наконец выбрался в лавку. Погляди, по душе ли тебе?

Юаньчунь бережно приняла подарок. Она долго вертела кисть в руках, разглядывая со всех сторон, и просияла от неподдельной радости. Осторожно погладив нежные нити, она подняла взгляд на брата:

— У старшего брата отменный вкус! Шелк такой прохладный и гладкий, сразу видно — редкая вещь. Для моего «Весеннего грома» лучшего украшения и не сыскать. Спасибо тебе!

Цзя Чжу мягко улыбнулся.

— Рад, что угодил тебе, сестрица.

С этими словами Юаньчунь подошла к столу, за которым стоял инструмент, и, присев на табурет, принялась задумчиво перебирать семь струн.

— Ведь этот цинь подарил мне сам господин Шао, — негромко заговорила она. — Да только к нему долго не удавалось подобрать достойную подвеску. Вешать обычный шнурок не хотелось, чтобы не оскорблять столь благородный инструмент. Теперь же, благодаря твоим стараниям, моё желание исполнилось. Когда придёт черёд отправляться во внутренние покои дворца, я возьму его с собой. Будет мне память о родном доме...

Договорив, она не выдержала и прослезилась.

Цзя Чжу растерялся, не зная, какие слова найти для утешения, и в комнате воцарилось молчание.

После безвременной кончины Цзя Мэя, старшего сына от первой ветви семьи, все надежды Жунфу сосредоточились на брате и сестре из второй ветви. Старшие члены рода загодя определили их судьбу: Цзя Чжу должен был выдержать государственные экзамены, а Юаньчунь — пройти императорский отбор. Оба они, по сути, являлись долгосрочным вложением в величие дома Цзя. Хотя участь императорской наложницы со стороны казалась блистательной и сулила небывалый почет, лишь сама девушка понимала, какая горькая доля её ждёт, и завидовала сверстницам, вышедшим замуж за простых людей. Но разве был у неё выбор? Она оставалась единственной дочерью в семье.

Готовя её к этой доле, близкие не жалели сил. С малых лет к ней приставили четырёх строгих дворцовых наставниц, обучавших её безупречным манерам, поступи и осанке. Чтобы стяжать девице славу благочестивой и добродетельной особы, её заставляли заучивать наизусть «Женское четырехкнижие», «Четыре заповеди», «Жизнеописания знаменитых женщин» и «Собрание добродетельных дев». Твердили без умолку, что для женщины нет ничего важнее кротости и послушания.

Дабы на императорском смотре она могла блеснуть талантами, для неё наняли учителя игры на гуцине. Тот преподавал добросовестно, но без особого вдохновения. Когда же Цзя Чжу вскользь упомянул, что господин Шао часто музицирует для собственного удовольствия и владеет инструментом в совершенстве, Юаньчунь загорелась желанием перенять его искусство. Она несколько раз ездила в дом Линь, чтобы послушать игру мастера, и преисполнилась к нему глубочайшего почтения. Тронутый её рвением, Шао Инлинь преподнёс ей в дар драгоценный цинь из своей личной коллекции — знаменитый «Весенний гром».

Благодаря столь утонченному воспитанию Юаньчунь разительно отличалась от обычных барышень благородным и величественным обликом.

Сам Цзя Чжу никогда не питал страсти к музыке, но, глядя на успехи кузенов и сестры, однажды тоже поддался любопытству. Сююй уже не первый год перенимал мастерство у Шао Инлиня и теперь играл вполне искусно. Заметив, как быстро совершенствуется и Юаньчунь, уязвленный Цзя Чжу попросил наставника Шао обучить и его. Выслушав просьбу, тот лишь загадочно улыбнулся и ничего не ответил.

Стоило юноше коснуться струн, как он почувствовал, что пальцы онемели, а руки стали свинцово тяжелыми — он решительно не понимал, как совладать с упрямым инструментом. Видя его мучения, Шао Инлинь расхохотался. Он без утайки заявил, что потуги ученика напоминают нелепые ужимки дурнушки Дун Ши, пытающейся подражать красавице Си Ши, и что в его игре нет ни капли возвышенного духа.

— Напрасно Чжу-эр слывёт умнейшим из смертных, — посмеивался наставник, — в музыке он и в подметки не годится собственной сестре.

После этого случая Цзя Чжу раз и навсегда забросил мысли о цине.

Отогнав невеселые думы, Юаньчунь смахнула слезы и с улыбкой перевела разговор на другое:

— Старший брат, ты ведь так редко ко мне заглядываешь. Посмотри-ка лучше на этот мешочек. Хорош ли? Тебе нравится?

Цзя Чжу взял из её рук вещицу и принялся разглядывать. Мешочек был сшит в форме сердца из нежного лавандово-синего шелка и украшен изящными узорами цвета увядающей осенней листвы.

— Прекрасная работа, сестрица, очень тонко, — искренне похвалил он. — Но я думал, у тебя совсем нет времени на праздное рукоделие.

Опустив мешочек на колени, Юаньчунь на мгновение прикусила губу и грустно ответила:

— Мне бы и самой хотелось, как обычной девушке, проводить дни за шитьем. Но старшие

твердят, что моё призвание в другом, а одежду и убранство для меня сошьют служанки. Но ведь если я вышиваю подарок для родного брата, никто не посмеет упрекнуть меня в праздности...

Цзя Чжу не знал, что возразить, но вдруг в его голове мелькнула мысль. Если сестра сама выказала готовность помочь ему с шитьем, то лучшей возможности и не представится!

— Мне бесконечно дорога твоя забота, — ласково заговорил он. — Но раз уж ты не против потрудиться иголкой, у меня есть к тебе важная просьба. Дело это тонкое, и доверить его кому-то из слуг у меня не поднимается рука.

Заметив серьезность в его голосе, Юаньчунь посерьезнела:

— Разве могу я отказать тебе, брат? Говори же, в чём дело. Надеюсь только, что моего скромного умения хватит, чтобы помочь тебе.

— Хватит с избытком, — заверил её Цзя Чжу и достал из-за пазухи ладную нефритовую подвеску из соединенных колец, купленную недавно в лавке Юйцичжай. — Иную безделицу я бы и не подумал нести тебе, но этот нефрит я хочу преподнести молодому господину Су как наверхие для ножен. Не хватает лишь изящного плетеного шнура. Сделай его для меня, прошу тебя.

По правде сказать, поначалу Цзя Чжу подумывал поручить это дело служанкам из своих покоев. Лэнхэ и Инхэ слыли искусными мастерицами — они шили почти всю его повседневную одежду. Юаньчунь же из-за строгого надзора редко брала в руки иголку, и её мастерство вряд ли превосходило сноровку опытных девиц. Но подарок предназначался благородному господину, и если бы шнур сплела сама молодая барышня дома Цзя, а не безвестная служанка, это придало бы подношению особый вес. Юноша рассудил, что молодой господин Су непременно оценит такой жест почтения.

Услышав, что подарок готовится для молодого господина Су, Юаньчунь посерьезнела и кивнула:

— Мне тоже довелось однажды мельком увидеть его в усадьбе Линь через бамбуковую ширму. Облик его поистине безупречен, словно кусок редчайшего нефрита. Как жаль, что его поразил этот странный недуг, не позволяющий выходить на солнце... — Она опустила взгляд на подвеску. — У тебя прекрасный вкус, брат. Нефрит чистый, ровный, загляденье.

— Какое же плетение, по-твоему, подойдёт к нему лучше всего? — спросил Цзя Чжу.

Немного подумав, Юаньчунь ответила:

— Камень бел как чистый снег, к нему подойдёт любой оттенок. Сам молодой господин Су

подобен небожителю, сошедшему на землю. Пусть он и держится уединенно, словно даос, излишняя простота здесь ни к чему. Я сплету шнур узором из соединенных колец под стать самому нефриту, а нити возьму нежно-желтые — цвет молодой листвы. Такой шнур не будет казаться тусклым, но и излишней пестротой глаз не оскорбит.

Цзя Чжу с готовностью согласился:

— Твои слова разумны. Так и поступим.

Обговорив дело, брат с сестрой поболтали ещё немного, пока служанка от матушки Цзя не позвала их к обеду. Они вместе отправились в главные покои, и на этом их разговор завершился.

Миновало три дня. Рано утром Цзя Чжу собрался ехать на занятия в усадьбу Линь. Но стоило его повозке выехать за ворота Жунфу, как его внимание привлекла суета. На углу улицы у ворот толпились слуги, окружив кого-то плотным кольцом. Приглядевшись, Цзя Чжу узнал в стоявших посреди круга оборванцах тех самых братьев, что несколько дней назад продавали себя на площади ради погребения отца.

Дворовые люди Жунфу грубо толкали их в плечи, пытаясь прогнать прочь, и зычно кричали:

— А ну пошли прочь! Улица Жуннин — не место для побирушек! Ступайте, пока бока не намяли!

Младший из братьев отчаянно пытался оправдаться:

— Но господин Цзя спас нас! Мы не бесчувственные твари, чтобы забыть благодеяние! Мы пришли отдать долг чести и служить нашему спасителю!

Слуги лишь презрительно хохотали в ответ:

— Служить? Нам без вас забот хватает! Наш старший молодой господин Чжу занят великими делами, готовится к государственным экзаменам ради славы рода. Стал бы он тратить время на разговор с голодранцами! Убирайтесь, кому говорят!

Слыша этот разговор из окна повозки, Цзя Чжу почувствовал, как к горлу подступает гнев на нерадивых и заносчивых слуг. Он велел кучеру натянуть поводья и приказал Чжэн Вэню разогнать зевак, а братьев привести к нему.

Когда те приблизились, молодой человек отметил про себя, что они больше не выглядят столь

жалко, как в их первую встречу на рынке. Пусть одежда их была проста и груба, но она была чистой и опрятной. Видимо, устроив дела с погребением отца, они сумели выкроить немного денег на приличный облик и скудную еду.

Признаться, Цзя Чжу совершил тот поступок без дальнего прицела и вовсе не ждал, что нищие юноши исполнят обещание продать себя в рабство. Но их появление у ворот поместья доказывало, что они верны своему слову. Преисполнившись уважения к их честности, Цзя Чжу обратился к братьям:

— Это я велел Жуньби дать вам серебро, — он кивком указал на стоявшего позади слугу. — Зачем вы искали встречи со мной?

Братья осторожно, но внимательно оглядели его с ног до головы.

— Вы и есть господин Цзя? — несмело спросил старший.

Цзя Чжу кивнул в знак согласия.

Услышав это, оба тут же пали на колени и принялись истово кланяться, касаясь лбами земли.

— Благородный господин! Ваша милость спасла нас от позора, вы вернули нам жизнь! Как и обещали, мы принесли свои договоры о продаже себя в услужение. С этого дня мы готовы верой и правдой служить вам, дабы вернуть этот неоплатный долг.

Глядя на склонённых перед ним юношей, Цзя Чжу призадумался. В их поклонах и речах сквозило неподдельное простодушие, но вместе с тем они держались с достоинством людей грамотных и рассудительных.

«Если они окажутся по-настоящему верными людьми, они станут мне неоценимым подспорьем»

Поместье Цзя давно превратилось в змеиное гнездо: служанки, евнухи, управляющие и надзиратели разбились на враждующие лагеря. В погоне за выгодой они зыркали друг на друга, точно разъяренные бойцовые петухи, готовые в любой миг вцепиться в глотку ближнему. Полагаться на домашних слуг, чьи семьи поколениями кормились усадьбой, было безумием. Когда над домом Цзя грянет гром и всё поместье пойдёт прахом под императорский арест, эти люди безропотно разделят общую участь или первыми предадут хозяев. Они не смогут действовать тайно, вне стен поместья, чтобы уберечь хоть каплю богатств и спасти тех, кто выживет.

Цзя Чжу отчаянно нуждался в преданных помощниках, никак не связанных обязательствами с кланом Цзя. Нуждался в тех, кто подчинялся бы только его приказам и мог остаться на свободе, когда родовое гнездо рухнет в бездну.

Решив подвергнуть братьев первому испытанию, Цзя Чжу приказал вынести из повозки тщательно завязанный узел. Протянув его юношам, он заговорил спокойным, но строгим голосом:

— Сейчас мне действительно нужен верный человек для одного поручения. В этом свертке собраны редкие гостинцы для моего названного отца, даоса Ванчэня. Ныне он гостит за городом, в павильоне Хэсянь, по приглашению тамошнего настоятеля, а завтра на рассвете отбывает обратно в горы Лофу. Передайте этот узел ему лично в руки. И непременно попросите у него прощения от моего имени: завтра день рождения моего дяди, второго господина Вана, и мне с утра надлежит быть в его усадьбе с поздравлениями, оттого я не смогу приехать за город и проводить наставника. Как исполните всё, возвращайтесь ко мне с докладом.

С этими словами он вынул несколько ланов серебра и протянул им на наем повозки.

Братья почтительно выслушали наказ, заверив хозяина, что исполнят поручение в точности, и, бережно приняв узел, поспешили в путь.

Едва они скрылись из виду, Цзя Чжу подозвал своего молодого слугу Помо — малого расторопного и смышленного не по годам. Шепотом приказав ему тайно следовать за братьями, он дал ему подробные наставления, как вести себя и на что обращать внимание. Помо понимающе кивнул и бесшумной тенью скользнул вслед за юношами.

Сам же Цзя Чжу со спокойной душой поднялся в повозку и в сопровождении Чжэн Вэня, Жуньби и Чжишаня покатыл по утренним улицам напрямик к усадьбе Линь.